

Мельник

Основано на издании 1917 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/melnik/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Мельник

За семью холмами, за семью лесами, на берегу реки Талицы стояла мельница. Не было через ту речку моста, поэтому всех, кто в муке нуждался, мельник Никифор на своей лодочке через Талицу перевозил. А жена его Агафья – жадная да злющая, словно ведьма! Каждый раз она мужа своего корила:

— Ну, какой же ты растяпа бестолковый! Почему за переправу денег не берёшь?

— И прадед мой, и дед, и отец людей на мельницу бесплатно возили, – отвечает Никифор. – Вот и я не буду мзду за извоз с честного народа брать! Заплатят люди за помол – того и достаточно. Мы с тобой ни в чём не нуждаемся, денег нам на всё хватает. Так зачем же на других наживаться? Для кого богатство копить? С собой ведь на тот свет его не заберёшь!

Как ни ругалась злая баба, а ничего поделать не могла – так и продолжал мельник людей бесплатно на мельницу переправлять.

Вот сидел как-то Никифор на крылечке, вдруг слышит: с другого берега крик раздаётся, кто-то перевезти просит. Сел мельник в лодочку, переплыл Талицу, огля-

делся – никого. Ждал он, ждал, так никого и не дождался, на свой берег вернулся. Только причалил, а с другой стороны снова крик слышится. Опять Никифор на противоположное побережье отправился, только и на этот раз никого не нашёл. А когда в третий раз крик раздался, тут уж Агафья взбеленилась:

— Да сколько же можно туда-сюда мотаться! Себя не жалеешь, так хоть лодку пожалей!

Не послушался жену Никифор, снова на зов отправился. Только доплыл до середины Талицы, как поднялся на реке шторм, словно на море. Волны вздымаются, ничего вокруг не видно, вот-вот лодка опрокинется! Кое-как причалил мельник к берегу да решил в лесочке переждать, пока буря стихнет. Не успел и десятка шагов пройти, как чуть в яму не провалился. Смотрит вниз, а там старичок седенький лежит, руки протягивает, стонет жалобно.

— Ты кто ж таков, дедушка, будешь? – спрашивает Никифор. – Что же ты, раньше не откликался? Ведь я третий раз уже за тобой приезжаю, а ты тут спрятался.

— Зовут меня Афанасий. Немощен я, милок, да и глуховат к тому же, – отвечает старик. – Покличу тебя, а пока ты за мной плывёшь, я засыпаю и ничего не слы-

шу.

Помог Никифор дедушке из ямы выбраться, подошли они к реке, а там волны с человеческий рост.

— Ну, теперь нам подождать придётся, пока шторм утихнет, – говорит мельник.

Взмахнул Афанасий рукой, и тут же водная гладь стала, словно зеркало – чистая да спокойная, будто и не было никакой бури. Переправились они на другой берег, а там уж Агафья их встречает: руки в боки упёрла, брови сдвинула, губы поджала. Зыркает исподлобья, будто молнии пускает. Говорит жене Никифор:

— Дай, пожалуйста, водицы тепленькой. Гостю нашему умыться с дороги надобно.

— Вот ещё! – отвечает злющая баба. – Мне вода тёплая для теста нужна. Пусть холодную берёт!

Нахмурился мельник да сам котелок с водой подогретой из печи взял, помог старцу умыться.

Разозлилась жена, засунула в печь котелок с холодной водой, начала под нос себе бурчать:

— Вот, жди теперь, пока водица нагреется!

— Так она уже горячая, – говорит Афанасий.

— Да ты что, старый, совсем с ума спятил? И ми-

нуты не прошло, как я её в печь поставила.

— А ты проверь!

Сунула Агафья палец в котелок да так ошпарилась, что аж волдыри пошли. Заголосила она, принялась на палец дуть, причитать. А Никифор гостя своего накормил, напоил, спать уложил.

Наутро будит старик мельника и говорит:

— Одевайся во всё чистое да со мной пойдём.

— А как же жена моя тут одна останется? – спрашивает Никифор.

— В ней столько злобы, что никто ей не нужен. Она и без тебя свой век проживёт. А как придёт пора, свидитесь.

Надел мельник чистую рубаху, да отправились они вместе со старцем странствовать. Много где побывали, немало всего повидали. День за днем, год за годом, совсем состарился Никифор, а Афанасий каким был, таким и остался. Как стали мельника силы покидать, привёл его старец в заброшенную келью и молвил:

— Посиди здесь, отдохни, а мне по делам отлучиться надобно.

Ушёл старик, а Никифору больно уж любопытно стало, что там, в соседних кельях делается.

Отпер он одну дверь и увидел луг, весь цветами благоухающими усыпанный. Сидят на зелёной травке-муравке детишки малые, агукают, улыбаются. А вокруг них люди с добрыми лицами ходят, цветочки срывают да веночки плетут. Порхают над лугом разноцветные бабочки, светит ласковое солнышко, воздух чист да свеж – красота!

Отворил затем мельник вторую дверь, а там озеро, всё льдом покрытое. Сидят на ледяной глади простолюдины да богачи озябшие, от холода мучаются: губы дрожат, зуб на зуб не попадает, руками себя по бокам похлопывают, только согреться никак не могут. А чуть поодаль лёд войлоком покрыт, на нём тоже люди из разных сословий сидят, им чуток теплее, но всё равно зябко.

Открыл тогда Никифор третью дверь и чуть от страха дар речи не потерял: крутится там колесо, словно на мельнице, одной половиной в смолу кипящую опускается, потом снова наверх поднимается. А к спицам того колеса люди привязаны, и среди них жена мельника Агафья. Держит она в руке луковицу, машет ею отчаянно. И кажется, будто только луковица эта не даёт бабе с головой в смолу окунуться.

Испугался Никифор, хотело было уж на помощь жене своей кинуться, только раздался вдруг за спиной его окрик. Оглянулся мельник, а у двери Афанасий стоит. Поманил он Никифора пальцем и спрашивает:

— Ну что, во все кельи заглянул?

— Да, дедушка, – отвечает мельник. – Расскажи мне, что всё это значит?

— За первой дверью спасённые души умерших младенцев да Божьих праведников находятся. Не успели они ещё нагрешить или смогли грехи свои замолить, вот и будут теперь всегда в раю благоденствовать. За второй дверью души грешников: те, кто много нагрешил, на льду зябнут, а те, кто поменьше – на войлоке сидят. А за третьей дверью души самых злых людей на колесе вертятся, нет им спасения!

— Скажи, а что за луковица в руках у моей жены?

— Да за всю свою жизнь Агафья только одно доброе дело сделала: луковицу нищим подала. Вот теперь и держит её грешница, как знак добра.

— Дедушка, миленький, помоги жене моей из той кельи выбраться! Пусть хотя бы на льду зябнет! Всяко лучше, чем в смоле кипящей вариться!

— Пожалуй, можно попробовать.

Подошёл Афанасий к колесу, взял Агафью за руку и стал из смолы вытягивать. Тут и другие грешники путь к спасению почувствовали: начали мельничиху за подол хватать, вслед за ней вылезти пытаться. Только никому злая баба помочь не пыталась, всякого ногой лягала да от себя отпихивала. Опустил тогда старик Агафью, не стал её вытаскивать.

— Видишь, – говорит Афанасий, – и при жизни жена твоя ни одного доброго дела не сделала, и даже после смерти помощи от неё никому не дожждаться. Пусть же навеки вечные в аду остаётся!

Затворил старец дверь и отвёл Никифора в ту келью, где души младенцев да Божьих праведников находятся. И поделом: всю жизнь Никифор людям помогал, вот и зачислсь ему после смерти добрые деяния.